

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, ПРОЦЕСС, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.2

Е.А. Авраменко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь;
С.В. Ананич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПРИМЕНЕНИИ НОРМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Ключевые слова: принципы уголовного закона, принцип законности, принцип справедливости, толкование уголовного закона.

В настоящее время уголовное право является динамично развивающейся отраслью законодательства, своевременно реагирующей на изменения общественных отношений и потребности их защиты от преступных посягательств. Однако изменчивость уголовно-правовых норм и задачи уголовно-правовой политики нередко вызывают трудности в правильном и единообразном толковании этих норм в процессе правоприменительной деятельности. Одним из стабилизирующих факторов в данной сфере следует считать принципы уголовного закона и уголовной ответственности, которые должны обосновывать и при необходимости корректировать как правотворчество, так и правоприменительную практику. Особая роль принципов заключается в большой степени обобщения основополагающих начал, на которых базируется уголовное законодательство.

Общеизвестно, что принципы уголовного закона и уголовной ответственности, изложенные в ст. 3 УК, являются основополагающими исходными предписаниями, обязательными для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью. Охранительные и предупредительные задачи уголовное законодательство способно выполнить лишь при строгом соблюдении правовых принципов. Однако грамотное их употребление в практике, несмотря на кажущуюся простоту изложения, вызывает сложности. «И понятно почему: принципы суть вершина юридической мысли», – утверждает А. Бойко [1, с. 121].

Так, в процессе применения уголовного закона иногда возникают противоречия между принципами уголовного закона и уголовной ответственности. В частности, принцип законности (ч. 2 ст. 3 УК) подразумевает под собой в том числе и то, что нормы кодекса подлежат строгому толкованию. Уголовно-правовые нормы, в свою очередь, иногда законодателем формулируются так, что буквальное их толкование противоречит принципу справедливости (ч. 6 ст. 3 УК) и здравому смыслу.

Так, например, при квалификации деяния по ч. 3 ст. 201 УК «Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» по признаку повторности возникает вопрос об обязательности наличия административной преюдиции или дохода в крупном размере, предусмотренных в ч. 2 ст. 201.

Если лицо привлекалось к уголовной ответственности по любой части ст. 201 и в период, пока судимость за это преступление не была погашена или снята, совершило, например, незаконное распространение объектов авторского права, не получив при этом дохода в крупном размере, то такое лицо следует привлекать к административной ответственности. Если же в течение года после наложения административного взыскания и в период, пока еще не снята или не погашена судимость за предыдущее преступление, предусмотренное ст. 201, лицо снова занимается распространением объектов авторского права, то только в этом случае его действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 201 по признаку повторности. Думается, что в данном случае полностью соблюдается принцип законности, но можно ли здесь говорить о принципе справедливости?

Принцип справедливости имеет два аспекта: справедливость уголовного закона и справедливость наказания, назначаемого судом за преступление.

Справедлив закон, который отвечает требованию социальной обоснованности криминализации деяний и пенализации преступлений. Не отвечающий этим требованиям закон обречен на бездействие, как не отражающий правосознания общества и не защищающий его интересов.

Социально обоснован закон, который эффективен, т. е. выполняет охранительные и предупредительные задачи, а также достигает целей наказания – исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения преступлений как осужденным, так и другими лицами. Неэффективен такой за-

кон, который ввиду его конструктивных недостатков не применяется либо редко применяется в отношении реально существующей преступности.

Если буквально толковать ст. 201 УК, то ч. 3 данной нормы в части признака повторности незаконного распространения или иного незаконного использования объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, не сопряженные с получением дохода в крупном размере, практически не применяется. Кроме того, непонятно, почему незаконное распространение объектов авторского права, совершенное в третий раз, менее общественно опасно, чем во второй, в пятый раз – менее опасно, чем в четвертый и т. д.?

Похожая ситуация сложилась и при применении ч. 2 ст. 317¹ УК «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)».

Одной из последних новелл законодательства в данной сфере стало изменение редакции ч. 2 ст. 317¹ УК. В соответствии с новой редакцией квалифицированный состав данного преступления сформулирован следующим образом: «Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное данной статьей».

С учетом данного изменения законодательства предлагаем рассмотреть следующую ситуацию. Лицо нарушает правила дорожного движения, например, требования скоростного режима либо не останавливается на красный сигнал светофора. В результате таких действий водитель сбивает пешехода и причиняет потерпевшему менее тяжкие телесные повреждения. Содеянное содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 317 УК. Будучи привлеченным к уголовной ответственности по данной статье, в последующем лицо управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, за что задерживается сотрудниками органов внутренних дел. Данный эпизод совершения общественно опасного деяния должен повлечь административную ответственность из-за отсутствия административной преюдиции, необходимой для признания состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 317¹ УК. Таким образом, совершая два общественно опасных деяния против безопасности дорожного движения, в первом случае лицо подвергается мерам уголовной ответственности, во втором – после привлечения к уголовной – приходится привлекать только к административной ответственности, что представляется нелогичным и необоснованным.

Решение данной проблемы видится следующим образом: конструирование квалифицированного состава ч. 2 ст. 317¹ УК с признаком специальной повторности. Предлагается изложить диспозицию в следующей редакции: «Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст. 317 и 317¹». Подобное формулирование квалифицирующих признаков с учетом специальной повторности нередко встречается в Уголовном кодексе (например, в ч. 1 ст. 328, ч. 3 ст. 430).

Еще один момент, касающийся правовой оценки преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, представляется заслуживающим внимания. В связи с криминализацией действий, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, совершенных повторно после наложения административного взыскания, в уголовном законе появилось преступление против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств с формальной конструкцией объективной стороны. Ранее в законе существовал только один состав преступления в данной сфере – с материальной конструкцией объективной стороны (состав ст. 317 УК). Именно конструкция объективной стороны состава ст. 317 позволяет рассматривать преступление в целом как неосторожное и закрепить законодательно верхний предел наказания в виде лишения свободы, не превышающий семи лет. В то же время в случае совершения лицом деяния в виде повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения и причинения в результате таких действий вреда жизни и здоровью людей указанные последствия следует рассматривать как результат совершения уже умышленного преступления. А это должно повлечь за собой и более строгий подход к применению мер уголовной ответственности и наказания. Если законодатель оценил степень общественной опасности повторных действий, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, достаточной для оценки их как преступных, то можно также говорить и о том, что подобные действия заведомо для виновного создают опасность причинения вреда жизни и здоровью участников дорожного движения.

Аналогичная ситуация описывается в диспозиции ч. 1 ст. 309 УК, предусматривающей ответственность за умышленное приведение в негодность транспортного средства и путей сообщения, если эти действия заведомо для виновного могли повлечь смерть человека, крушение, аварию или иные тяжкие последствия. В ч. 3 данной статьи за причинение смерти предусмотрена возможность назначения наказания в виде лишения свободы на срок до 10 лет, поскольку указанное последствие является квалифицирующим признаком умышленного преступления. Целесообразным было бы со стороны законодателя переоценить подобным образом общественную опасность и некоторых деяний, совершаемых нетрезвыми водителями. На наш взгляд, именно при появлении в ст. 317¹ УК квалифицирующих признаков, связанных с причинением вреда здоровью и жизни человека, будет в большей мере реализован принцип справедливости ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Ряд вопросов возникает в связи с юридической природой и содержанием примечаний к ст. 289 «Терроризм» и 290¹ «Угроза совершения акта терроризма» УК. В соответствии со ст. 15 УК добровольным отказом

следует признавать прекращение лицом преступной деятельности до момента окончания преступления, при осознании возможности доведения преступления до конца. В связи с этим законодательным положением о добровольном отказе под действия примечаний могут подпадать только случаи содействия государственным органам по предотвращению акта терроризма, которые оказались безуспешными (акт терроризма был совершен). В случае же предотвращения акта терроризма должна действовать ст. 15 УК. И если в примечании к ст. 290¹ УК возможен такой вариант, то примечание к ст. 289 прямо требует достижения результата – предотвращения акта терроризма, что создает дополнительное основание освобождения от уголовной ответственности, ограничивающее действие ст. 15 УК. Если же в обоих случаях, по мнению законодателя, речь идет только о результативном содействии в предотвращении акта терроризма, то следует использовать в законе единообразные словесные формулировки, т. е. пособничество в финансировании терроризма уголовно ненаказуемо, если виновный своевременно заявил о содеянном и (или) иным образом способствовал предотвращению акта терроризма и выявлению этого преступления (примечание к ст. 290¹ УК). А для соучастника терроризма в примечании к ст. 289 УК указывается на необходимость своевременным сообщением государственным органам или иным образом предотвратить акт терроризма. Как выше было отмечено, подобные различные подходы не согласуются с положениями нормы Общей части УК – ст. 15 «Добровольный отказ от преступления». Примечание к ст. 289 ограничивает применение для данного вида преступления нормы о добровольном отказе (с учетом особенностей добровольного отказа соучастников преступления), что не соответствует принципу законности. Основание, указанное в ст. 15 УК, полностью исключает уголовную ответственность, в то время как применение примечания к ст. 289 служит лишь основанием освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему лицу основанию.

При рассмотрении, например, ситуации отграничения совокупности преступлений от составных единичных преступлений также возникает вопрос. А как она решается с позиций принципов уголовного закона и уголовной ответственности?

Составное преступление – это единое преступление, посягающее на два или более объекта, состоящее из нескольких деяний, каждое из которых обладает признаками самостоятельного состава преступления, однако в силу их взаимосвязи и специфической общественной опасности в таком сочетании рассматриваемых уголовным законом как одно преступление. Составное преступление не является следствием механического соединения отдельных преступных деяний. Последние в сочетании друг с другом образуют органическое единство, новое качество. Учитывая типичность, распространенность устойчивых сочетаний нескольких деяний и специфическую общественную опасность комбинации последних, образующей качественно новое образование, законодатель обобщает их, сводит в единое целое, отражая в соответствующем уголовно-правовом запрете в виде сложной, но единой законодательной конструкции.

Отграничение составных преступлений от случаев множественности вызывает трудности в следственно-судебной практике, потому что составной характер большинства таких единичных преступлений не достаточно четко отражается в диспозициях уголовно-правовых норм. Однако немало преступлений, на составной характер которых четко указывается в самом законе.

Очевиден составной характер таких преступлений, как разбой (ст. 207 УК), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), хулиганство, связанное сопротивлением лицу, пресекающему нарушение общественного порядка (ч. 2 ст. 339 УК), и др.

Однако существуют законодательные описания составов преступлений, относительно которых в диспозиции уголовно-правовой нормы нет прямых указаний на их составной характер. То, что они состоят из двух либо более преступных действий, каждое из которых, будучи совершенным изолированно друг от друга, могло бы квалифицироваться как самостоятельное единичное преступление, выявляется путем толкования норм. Такого рода деяния представляют особую сложность в отграничении их от случаев множественности преступлений. К таким составным преступлениям относятся, например, сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющему общественный порядок, сопряженное с нанесением ему оскорблений, побоев, легких и менее тяжких телесных повреждений. По совокупности такие деяния должны квалифицироваться тогда, когда они совершены разновременно и не охватывались единым намерением. О том, что данные деяния охватываются составом ст. 363 УК, можно судить, сопоставив ее санкцию с санкциями статей, предусматривающих ответственность за соответствующие преступления против здоровья, чести и достоинства. В решении данного вопроса квалификации надлежит учитывать как принцип законности, так и принцип справедливости.

Однако законодательное существование большого числа составных преступлений ведет к трудностям не только при квалификации, но и вызывает нарушение принципа справедливости при назначении наказания. Последнюю проблему иллюстрирует санкция ч. 3 ст. 166 УК, согласно которой за составное преступление – изнасилование, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого телесного повреждения, – может быть назначено более строгое наказание, чем за изнасилование и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения.

На наш взгляд, обозначенные вопросы отграничения множественности, и в частности совокупности, от единичных сложных (составных) преступлений приводят к выводу о необходимости минимального ис-

пользования в законе сложных конструкций составов преступлений. Так, например, вполне можно было бы исключить из ст. 147, 166, 218 и др. квалифицирующий признак, заключающийся в причинении смерти по неосторожности. И при причинении подобного последствия квалифицировать деяние по совокупности статей 147, 218 со ст. 144 УК.

Наличие в уголовном законодательстве большого числа смежных, конкурирующих норм, по мнению Г. Борзенкова, ведет к разбуханию текста Уголовного кодекса, что не сказывается положительно на правоприменительной практике в части решения задач уголовной политики [2, с. 5].

Закрепленные в ст. 3 УК принципы представляют собой руководящие положения, определяющие содержание норм УК и практику реализации уголовной ответственности в Республике Беларусь. Они адресованы как законодателю, так и правоприменителям и должны соблюдаться в процессе законотворчества, а также в процессе повседневной деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, судов при осуществлении правосудия по уголовным делам. Это общие принципы уголовного права, присущие всем нормам Уголовного кодекса [3, с. 6].

Несмотря на вышесказанное, принцип законности предполагает строгое толкование норм уголовного права. Толкование не должно быть средством восполнения пробелов в законе. Выход может быть только один: внесение соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс [3, с. 7]. Таким образом, удел правоприменителей – исключительно буквальное толкование закона. За применение такого принципа, например, как справедливость закона, ответственность на себя взял законодатель. Но как быть, если, следуя букве закона, не удастся следовать духу закона? Что делать правоприменителям, когда законодатель не в состоянии обеспечить грамотно составленными законами?

Думается, что в правоприменительной практике следует руководствоваться не только буквальным толкованием, а и иными принципами уголовного права и уголовной ответственности, в частности принципом справедливости, особенно в ситуациях, когда в процессе законотворчества допускаются откровенные ошибки, как, например, это было в первоначальной редакции УК 1999 г. при формулировке ст. 147 в части установления ответственности за неизгладимое обезображение лица и шеи. При буквальном толковании данной нормы получалось, что неизгладимое обезображение лица без обезображения шеи не являлось тяжким телесным повреждением. Устранив данную проблему только в 2003 г. в ст. 147 УК, законодатель повторил ее в редакции ст. 329, предусматривающей ответственность за посев или выращивание запрещенных к возделыванию растений и грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. При буквальном толковании данной нормы выращивание названных растений без грибов не должно влечь уголовную ответственность, что, безусловно, нелогично, но в силу принципа законности не следует в данной сфере прибегать к иным видам толкования закона. Однако в приведенных выше случаях правоприменители в ущерб буквальному толкованию применяли и применяют иные принципы уголовного закона, привлекая к ответственности лиц, выращивающих запрещенные к возделыванию растения, не выращивающих при этом грибы. Конечно, при законодательном формулировании уголовно-правовых норм следует более внимательно учитывать правила грамматического толкования, чтобы исключить двусмысленность в понимании и трактовке норм правоприменителями.

Характерные для уголовного права нормы запретительного характера играют первостепенную роль в охране личности, общества и государства, поэтому современная практика борьбы с преступностью, основанная на принципах уголовного права, имеет приоритетное значение.

Принципы уголовного права выражают систему ценностей, охраняемых посредством уголовно-правовых норм, воплощают систему ценностей в реальной жизни. Принципы выступают наиболее устойчивыми, неизменными элементами в течение длительных исторических периодов, являются ориентирами в борьбе с преступностью.

В связи со сказанным возникает проблема изучения и оценки действия принципов уголовного права как законодательных и правоприменительных ориентиров в борьбе с преступностью, а также эффективности их реализации в деятельности органов, применяющих на их основе уголовно-правовые нормы.

Таким образом, одним из направлений совершенствования реализации принципов уголовного закона и уголовной ответственности в специальных нормах Уголовного кодекса видится детальная регламентация каждого принципа в отдельной статье закона.

С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, в свою очередь, обращают внимание на негативные последствия включения правовых принципов в виде статей Уголовного кодекса. Эти последствия обусловлены прежде всего тем, что такое формулирование неизбежно связано с упрощением содержания принципов, что объясняется спецификой уголовного закона как правового акта, «призванного регулировать достаточно узкий круг отношений между лицом, совершившим преступление, и государством» [4, с. 33].

Однако, на наш взгляд, несмотря на трудности формулирования принципов в тексте уголовного закона, это необходимое условие для их эффективной реализации. Правовая природа норм-принципов по своему содержанию и сфере действия должна определяться уголовно-правовой доктриной и законом не только путем декларирования их наличия, но и выражением их соответствующих свойств путем установления признаков, раскрывающих природу принципа вообще и отдельных принципов в частности. С позитивной стороны оценивает позицию российского законодателя в данной сфере М.В. Баранчикова, отмечая, что

задачи, стоящие перед уголовным законодательством, должны решаться на основе положений ст. 3–7 УК РФ, закрепляющих принципы уголовного права [5, с. 37].

Кроме того, законодателю, предписывая строгое толкование норм, следует более внимательно относиться к созданию этих норм. Возможно, использовать при создании норм не такие конкретные, более общие формулировки.

Думается, что, пока в законотворчестве есть издержки, следует дать большую свободу в применении принципов права органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, судам при осуществлении правосудия по уголовным делам. При этом следует обеспечить единообразное применение закона.

1. Бойко, А. Теория принципов уголовного права / А. Бойко // Уголов. право. 2005. № 4.

2. Борзенков, Г. Об учете принципов уголовного права в законотворческой деятельности / Г. Борзенков // Уголов. право. 2011. № 3.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007.

4. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1988.

5. Баранчикова, М.В. Значение нормативности принципов уголовного права / М.В. Баранчикова // Юрид. наука и правоохран. практика. 2009. № 3.

Дата поступления в редакцию: 14.01.13

E.A. Avramenko, candidate of law, associate professor, associate professor of the chair of economic security of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; S.V. Ananich, candidate of law, associate professor, associate professor of the chair of criminal law and criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

THE FOUNDATIONS OF PENAL LAW AND THEIR SIGNIFICANCE IN THE APPLICATION OF NORMS OF PENAL CODE SPECIAL PART

Keywords: descriptive information, foundations of penal law, principle of legality, principle of equity, interpretation of penal law.

Nowadays the criminal law is an actively progressing legislation branch which promptly responds to the changes of social relations and the needs of their defence from criminal offence. However, the changeability of criminal norms and the goals of legal politics quite often cause difficulties in correct and uniform interpretation of these norms in the process of law enforcement activity. One of the stabilizing factors in this field is the foundations of penal law and liability which must substantiate and adjust if needed either lawmaking or law enforcement practice. The special role of the foundations consists in the generalization of fundamental principles that criminal legislation is based on.

УДК 343.1

Н.А. Борисенко, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Ключевые слова: уголовно-процессуальные отношения, правоотношения, восстановление уголовных дел, восстановительное производство, восстановительная деятельность, субъект, объект, содержание, форма.

Автором рассматриваются уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе осуществления восстановительной деятельности субъектами уголовного процесса. Анализируются основные элементы, составляющие данные уголовно-процессуальные отношения: дается характеристика субъектам и объектам правоотношений, рассматривается их содержание и форма.

В белорусском законодательстве оптимальные условия для восстановления нарушенных преступлением прав и интересов пострадавших лиц создаются посредством принятия и реализации уголовно-процессуальных норм. Уголовно-процессуальные нормы регулируют определенные общественные отношения между участниками уголовного процесса, складывающиеся при производстве по материалам и уголовным делам, тем самым выступая источником возникновения, изменения или прекращения процессуальных правоотношений.

В.П. Божьев отмечал, что правоотношений не может быть, пока нет нормы, которая бы регулировала эти отношения [1, с. 77], такой же позиции придерживались С.Ф. Кечежян и М.С. Строгович [1, с. 78].

Современные авторы учебников по уголовному процессу к условиям возникновения, изменения и прекращения уголовно-процессуальных отношений относят также конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные нормами действующего законодательства, называя их юридическими фактами [4, с. 77]. К таким юридическим фактам можно отнести различные события, которые порождают определенные процессуальные действия отдельных участников уголовного процесса (утрата уголовного дела,